

*Каменских Михаил Сергеевич,
младший научный сотрудник научного отдела
ФГБОУ ВПО «ПГГПУ»,
кандидат исторических наук, г. Пермь*

Принятие корейцами православия Пермской губернии и в начале XX века

Одной из особенностей корейской иммиграции в Россию в конце XIX–XXI века является массовое принятие корейцами православия. Этот вопрос уже неоднократно изучался в исторической литературе, однако его изучение еще может быть продолжено ввиду появления новых подходов в исторической науке и появления новых источников. Следует отметить, что исследователи данного периода не раз отмечали, что еще в XIX веке корейцы строили в своих деревнях церкви, открывали на свои средства школы по изучению русского языка. «Для них переход в русскую православную веру, принятие русского образа жизни было согласием на полный переход на русское подданство, отказом от их прошлых конфуцианских, буддийских и языческих верований», - пишет исследователь Н.Ф. Бугай.

Корейцы принимали православие не только на Дальнем Востоке, но и в центральных губерниях России. В 2014 году исполняется 110 лет с момента первого упоминания о корейцах в Пермской губернии. И это упоминание связано с группой корейцев, принявших православие в Пермской губернии.

Появление корейцев в Пермской губернии связано с началом Русско-японской войны. Известно, что многие японцы, корейцы и китайцы, жившие и работавшие в России и Маньчжурии, не знали о готовящейся войне. Поэтому с началом военных действий у них возникли проблемы передвижением в зоне военных действий. 14 февраля 1904 года, через две недели после начала войны, были изданы «Правила, кото-

рыми Россия намерены руководствоваться во время войны с Японией». В документе, помимо прочего, говорилось, что «подданным Японии разрешается под защитой действующих законов, продолжать во время войны свое пребывание в пределах Империи, за исключением областей, входящих в состав наместничества на Дальнем Востоке» . Тех, кто на момент открытия боевых действий оказался на Дальнем Востоке, во избежание случаев шпионажа, арестовывали. В январе 1905 года петербургский журнал «Нива» сообщал: «Когда вспыхнула на Дальнем Востоке война, всем проживающим в районах боевых действий, корейцам и японцам, было предложено немедленно выехать в свое отечество. Но некоторые из них не пожелали или не смогли вернуться туда, и тогда их отправили внутрь России» .

Когда стало понятно, что война затягивается, а количество арестованных растет, 13 мая 1904 года Кабинет министров Российской Империи издал за подписью императора «Временное положение о военнопленных русско-японской войны», в котором местным властям была дана инструкция о том, как нужно вести себя с арестованными «желтолицыми» на период военных действий. В документе сообщалось, что «военнопленные могут быть подвергнуты водворению в городе, крепости, лагере или каком-либо другом месте, с обязательством не удаляться за известные определенные границы; но собственно заключению под стражу они могут быть подвергаемы лишь при наличности особой к тому необходимости» . С этого момента, к мирному гражданскому населению, арестованному в зоне боевых действий, начинают применять термин «водворенные» или «высланные с театра военных действий» .

Как видно из источников, первые такие аресты начались в апреле 1904 года в Харбине и других подконтрольных России населенных пунктах . Затем арестованных отправляли в Томск, а оттуда – в места водворения. Арестовывая китайцев и корейцев, царское правительство пыталось пресечь случаи шпионажа.

Одним из главных мест водворения была Пермская губерния. Транспортная доступность и нахождение вдали от границ делали ее удобным местом для размещения тех, кто попадал в плен к российским войскам во время боевых действий на Дальнем Востоке. Точная дата прибытия первой партии в Пермскую губернию неизвестна. Но 2 июня 1904 года «Пермские губернские ведомости» сообщали: «На днях в Пермь прибывает партия японцев в количестве 308 человек: из них мужчин 308, женщин 150, детей 20. В партии кроме японцев находятся еще 13 китайцев и 15 корейцев. Вслед за этой партией прибудет еще одна в количестве 409 человек. Все они будут расселены в пределах Пермской губернии» . А 8 июня газета сообщала о том, что «мирные пленники» уже размещены в Перми.

В Пермь первая партия прибыла 17 июня. Присланных корейцев расселили в Перми (57), в Нытве (17), в Камышлове (9) и Оханске (9) . К началу сентября в Пермской губернии уже находилось до ста сотен корейцев.

Имеющиеся на сегодняшний день источники позволяют реконструировать обстоятельства приезда, способы адаптации в обществе и отношения с местным населением корейцев, проживавших в Пермской губернии. В фондах Государственного архива Пермского края (ГАПК) отложились регулярно отправляемые в Департамент Полиции МВД отчеты пермского губернатора, полицмейстера и уездных исправников губернии, прошения и письма самих «пленников» . Отдельный интерес представляют составлявшиеся ежеквартально «Требовательные арестантские ведомости» , куда заносились сведения о возрасте, поле, роде занятий арестованных. Важную информацию для исследования содержат материалы провинциальной печати того времени, в частности ежедневная газета «Пермские губернские ведомости», полное издание которой за 1904-1905 годы находится в фондах Пермского краевого музея. В этом издании видна реакция российского общества на появление в своей среде иностранных подданных.

Около месяца ситуация с водворенными и их дальнейшей судьбой была довольно неопределенной. Только 9 августа 1904 года пермский губернатор получил с припиской «Срочно. Секретно» Высочайший указ Его императорского величества о том, что нужно делать дальше. Согласно документу, «начальником губернии должна была быть представляема ежемесячно ведомость с точными сведениями о числе и месте водворенных в Империи военнопленных «желтолицых» с подразделением на национальности». Во исполнение этого указа Департамент Полиции МВД потребовал от губернатора доставлять «по телеграфу к первому числу каждого месяца точные сведения о прибывших во вверенную вам губернию удаленных с Дальнего Востока желтолицых с указанием мест водворения в губернии с подразделением на японцев, китайцев и корейцев». К 22 октября 1904 года численность корейцев уже составляла 298 человек. В Перми большинство из них проживали в 3-й части на углу Пермской и Ермаковской улиц, в доме Шалашиной. Корейцы также жили в квартирах, нанимаемых местной администрацией за 83 рубля в месяц. Некоторые из корейцев жили в частных квартирах.

Сохранившиеся сегодня в фондах ГАПК отчеты губернатора позволяют реконструировать особенности облика и быта корейцев в Прикамье в указанный период. Анализ Требовательных арестантских ведомостей показывает, что в плен попадало в основном мирное население. Среди 95 корейцев, на которых сохранились данные, было 83 мужчины, 7 женщин и 5 детей. Из мужчин были женаты 20, остальные – холостые. Средний возраст неженатых – 24-29 лет, женатых – 35-40. Среди наиболее упоминаемых занятий, которые были им приписаны, – пекарь (10), чернорабочий (11), пильщик (13), портовые грузчики (17), торговец (5), прачечник (3).

Даже из этих косвенных данных видно, что в плен попали отнюдь не военные, а обычные рабочие-«отходники» или торговцы, оказавшиеся в Маньчжурии в период начала войны. Мирное поведение подтвердил и пермский полицмейстер,

написавший губернатору 26 октября 1904 года следующее: «Проживающие в Перми корейцы образ жизни ведут правильный, в дурном поведении и предосудительных сношениях и деятельности никто из них замечен не был. Большинство из корейцев определенных занятий не имеют, за всеми за ними бдительный контроль мною установлен». В зимнее время корейцам на казенные средства закупали дрова, шапки, полушубки валенки.

В источниках также сохранился ряд сведений о занятиях корейцев торговлей. В первые месяцы жизни в Перми многие из них занялись изготовлением «птичек из крашеной ваты» и «цветов из папиросной бумаги», «шаров и круглых вееров из цветной бумаги», которые первое время пользовались у пермяков большой популярностью. Были случаи, когда местные предприниматели скупали у корейцев их товар оптом (по 800 штук) и продавали в уездах с наценкой». Помимо торговли предприимчивые корейцы открыли в городе прачечные. «В корейских прачечных работают и русские женщины, которые, главным образом, и гладят крахмальное и другое белье и ездят полоскать его на Каму. Самую же черную часть работы – стирку белья производят корейцы-мужчины».

Однако наиболее значимым эпизодом, связанным с пребыванием водворенных в Пермской губернии корейцев, является массовое принятие ими православия.

8 октября 1904 года корейцы Хан-Де-Зун и Чун-Бу-Чи обратились к губернатору с просьбой определить их в какую-либо народную школу г. Перми для изучения русского языка. Инициатива корейцев не встретила возражений со стороны местных властей. 15 октября 1904 года инспектор народных училищ Сироткин писал, что проживающие в Перми корейцы «могут быть приняты для сей цели по представлению надлежащих удостоверений о своей личности в число слушателей вечерних классов при Кирилло-Мефодиевском мужском приходском училище, о чем дано соответствующее распоряжение». А 4 ноября 1904 года директор уже спрашивал у

пермского губернатора А.П. Наумова разрешения допустить корейцев в качестве слушателей на вечерние классы при Кирилло-Мефодиевском училище. Губернатор дал согласие.

Просвещением пленных корейцев занимался духовник семинарии священник о. Константин (Шестаков). В течение трех месяцев он учил корейцев читать и писать по-русски, преподавал им священную историю. Вот как описывается его работа в «Пермских губернских ведомостях»: «Отец Константин обыкновенно приглашает корейцев в семинарию и здесь ежедневно занимается с ними с двух часов дня до пяти часов вечера, обучая их чтению и письму на русском языке и знакомя их с вероучением православной церкви. Занятия его, как мы видим, не остаются безрезультатными: многие корейцы оставляют свои языческие заблуждения и изъявляют желание вступить в православную церковь. С последними отец Константин ведет особые занятия, он преподает им краткую священную историю, знакомя их с основными догматами христианской религии и учит главнейшим молитвам. Все корейцы, видимо, интересуются этими занятиями, и число их возрастает». Среди занимающихся были как полностью неграмотные, так и владеющие по-русски, поскольку беседы между отцом Константином и корейцами велись «при посредстве нескольких человек из среды самих же корейцев, понимающих и знающих русскую речь». В результате проводимой отцом Константином миссионерской работы многие корейцы изъявили желание креститься. «Мы желаем принять православную христианскую веру и креститься», - писали корейцы Пак Тоген и Александр Юонь. Как следует из источников, процесс обучения был трудным. «Скорейшее обучение меня православной вере для священников является трудным, а очень хочется поскорее креститься по православному христианскому обряду», - сообщал в ноябре 1904 года кореец Тоген Тин.

Первыми православие в Перми 23 января 1905 года приняли 8 корейцев: Так-Тогой-Тим, Юн-Ин-И, Ким-Са-Чу, Пан Хедо, Ким-Пон-Сан, Тен Цан-Шин, Ким-Ки-Сен, Ким-Ань-Ось

и Александр Юнон. Обряд крещения совершал епископ кунгурский Павел. В ходе крещения «корейцы отвечали на русском языке и даже сами прочитали на русском языке символ веры». Сам обряд был подробно описан в местных газетах. Автор статьи в «Пермских губернских ведомостях» особо подчеркивал, что воспитанник 6 класса семинарии П. Писарев после крещения произнес для корейцев краткое поучение, в котором «приветствовал вновь присоединившихся со вступлением в недра матери св. церкви после долгого их блуждания по дебрям язычества», а у некоторых корейцах «на лицах видны были слезы радости». Помимо крещения каждый кореец накануне проходил чин принятия от язычества к святой православной вере, когда каждый из них получил русские имена.

Позже «Пермские губернские ведомости» сообщали, что крестившиеся корейцы начали миссионерскую работу среди других своих соотечественников и смогли собрать новую группу для занятий. Эта деятельность, однако, наткнулась на неприятие со стороны корейцев, не желавших принимать крещение. В результате корейцы, готовившиеся к крещению, были жестоко избиты противниками их действий. Тем не менее, 19 апреля 1905 года 12 корейцев и одна японка вновь приняли православие. На следующий день обращенные в православие корейцы были причащены епископом пермским и соликамским Никанором. Всего же православие за год приняли 22 корейца.

Мотивация для подобного поведения со стороны корейцев могла быть самой разной. С одной стороны, известно, что многие российские корейцы того времени принимали православие, чтоб получить русское подданство и земельные наделы. С другой стороны, корейцы, крестившиеся в Перми, не были российскими, а некоторые даже не относились к категории нуждавшихся. Вступление в православие можно объяснить также и кризисом идентичности, наступившим у российских корейцев в начале XX века, поскольку у них не было собственной государственности, и они находились под сильным

давлением Японии и Китая. Появление сильной Российской Империи, дающей им право жить по собственным традициям и обычаям, наверняка создавало в среде корейцев представления об успешности и внутренней силе российского государства. Конечно, данная причина не является единственной и, вступая в православие, корейцы пользовались разными мотивациями, но данный фактор также мог оказать свое влияние.

С течением времени корейцы все более уживались в новой среде. Формирующаяся корейская община начинала принимать свой специфический облик, однако начавшиеся в середине лета мирные переговоры остановили эти процессы. Последняя партия пленных прибыла в Пермь 31 июля 1905 года. После подписания мира пребывание корейцев в Перми уже не было необходимостью, но всем желающим было разрешено остаться. Так, одна корейская семья обратилась 18 июня 1905 г. к губернатору с просьбой: «В августе 1904 г. по распоряжению Российского правительства нас всех четырех отправили в г. Пермь, куда и прибыли в сентябре месяце прошлого года... В настоящее время прошел слух, что будто бы нас хотят отправить на жительство в другой какой-нибудь город или местность, не найдете ли вы возможным оставить нас в Перми». После того, как им разрешили, другие последовали их примеру. В декабре 1905 года «Пермские губернские ведомости сообщали, что «корейцы и китайцы, несмотря на недавнее окончание войны все еще живут в нашем городе и занимаются своими обычными делами – набиванием папирос, приготовлением цветов и других вещей из бумаги разных цветов и продажей их на базарах».

Корейцам разрешили остаться. Некоторые из них остались в Перми навсегда, пережив Первую мировую войну и революционные события 1917 года. Последние сведения о них относят к документам 1930-х годов. Приняв российские нормы и обычаи, подданство России, они стали полноценной частью не только Пермской губернии, но и многонационального российского государства.